

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.А. КОЗЛОВА

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В статье рассматривается возможность использования автобиографий, полученных в ходе интервью с социологами, для изучения современного состояния российской социологии. В любом социологическом исследовании биографический материал имеет вспомогательный характер и требует как подкрепления другими видами информации, так и методического обоснования. Несмотря на ограничения, в рассматриваемом случае использование биографических материалов представляется целесообразным. По нашему убеждению, дело здесь как в условиях, сложившихся внутри и вокруг российской социологии, так и в эпистемических особенностях биографического метода.

Пока методология биографических исследований не может считаться устоявшейся и обоснованной. Такие исследования не располагают ни словарем, ни надежным интерпретативным арсеналом (как, впрочем, и другие, относимые к «качественным»). Их результаты основаны на совокупности приемов, изобретаемых для конкретных задач, методах интерпретации, взятых из разных областей и не всегда адаптированных к задачам биографических исследований. По этой причине достоверность получаемых результатов, даже при допускаемой в данном случае их многозначности, может быть подвергнута

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, зав. сектором социологии науки Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 120-82-57. Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru; batygin@isras.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 06–06–80275а.

сомнению. Таким образом, для исправления ситуации, по меньшей мере, необходимы корректные и достаточно обоснованные методы. Приемы и способы, к которым прибегают исследователи, лишь тогда перестают быть их личным инструментарием, когда шаг за шагом становятся формализованными и обоснованными. Конечно, не все их можно формализовать: к таким, например, относятся понимание¹, интуитивное видение. Однако основанность научного знания на одной лишь интуиции в первую очередь говорит о пограничности по отношению к другим, вненаучным, его формам. Личный интеллектуальный прием становится научным методом, когда перестает зависеть от ментальных особенностей его автора и становится пригодным для использования другими исследователями. Поскольку процесс образования и совершенствования научных методов, возможно, бесконечен, время «жизни» какого-либо из них мало предсказуемо. Однако это не отменяет необходимости разрабатывать и «обобществлять» методологию научного исследования, к какой бы теоретической или предметной области она ни относилась, — хотя бы в качестве промежуточных, развивающихся вариантов.

Поиск теоретической базы и методологических оснований социологического исследования российской социологии начат недавно². Существует немало работ на русском языке, в которых анализируются проблемы теории и методологии биографического метода³, но

¹ Заметим, что в современном знании постепенно преодолевается дистанция, существующая между пониманием и каузальным объяснением. Первое по традиции, идущей от неокантианства, принято связывать с науками о духе, второе — с науками о природе. Однако Поль Рикер показывает, что объяснение сопутствует всем этапам понимания, являющегося сутью интерпретации текстов [см., например, 25]

² Обзор отечественных биографических исследований российской социологии дан в статье Н.Я. Мазлумяновой, публикуемой в настоящем номере «Социологического журнала».

³ Переведенные источники составляют только малую часть западной литературы, рассматривающей теоретико-методологические проблемы биографий с позиций различных социологических направлений — антропологии, этнометодологии, социологии повседневности и др. В числе авторов Д. Берто, открывший новый цикл исследования биографий своей известной монографией [32], Х. Буде, Н. Дензин, М. Коли, У. Оверман, К. Пламмер, В. Фишер-Розенталь, Ф. Феррароти, В. Фукс-Хайнриц, Ф. Шютце и многие другие. Сошлемся только на некоторые работы, переведенные на русский язык: Ж.-П. Альмадовар [1], М. Бургос [7], Р. Тернер [30], П. Томпсон [29] и др. Среди отечественных социологов методологией биографических исследований занимались Г.С. Батыгин [2, 3], В.Б. Голофаст [14, 15], Е.А. Здравомыслова [4, 20], Н.Я. Мазлумянова [21], Е.Ю. Мещеркина [5, 6, 23, 24], А.А. Темкина [20], В.В. Семенова [5, 28]; ряд интересных работ по биографиям в литературоведении опубликовал Б.В. Дубин [17-19].

в них социология или какая-либо другая научная дисциплина не рассматривается в качестве объекта исследования. Хотя история биографического метода в западной науке насчитывает десятки лет, начиная с «Польского крестьянина в Европе и Америке» У. Томаса и Ф. Знанецкого, насколько нам известно, и там он не часто применялся для изучения профессионального сообщества социологов. Пример — сборник американских социологов, вышедший под редакцией Б. Бергера «*Authors of their own lives: Intellectual autobiographies by twenty American sociologists*» [31], который, однако, не содержит теоретико-методологических обобщений.

При всей ограниченности метода сама ситуация биографического исследования социологов имеет ряд преимуществ по сравнению с аналогичным изучением других профессиональных и непрофессиональных групп, в чем-то она даже уникальна. Преимущества касаются и коммуникации при проведении опроса, и возможностей углубления в материал, понимания и объяснения (интерпретирования) полученных сведений. Мы попытаемся обосновать эти особенности по возможности с теоретико-методологических позиций. Не последнее место займет анализ сопутствующих проблем, тем более что биографические исследования российской социологии имеют довольно ограниченный опыт.

Обращение к такого рода исследованиям сейчас оправдано, как отмечалось, и социальной ситуацией, в которой находится российская социология. Для этого есть целый ряд серьезных поводов (помимо чисто эвристических), на анализе которых здесь нет возможности останавливаться подробно. Отметим только, что наиболее важные из них связаны с радикальным изменением норм и способов существования социологического сообщества, содержания и форм социологического знания, изменением статуса общественных наук в социуме. Можно сказать, что за последние 15-20 лет изменились и дух, и буква социологической работы. Это стало следствием радикальных перемен в общественной жизни. В условиях социальной аномии, в том числе и внутринаучной, многое определяется личным выбором членов социологического сообщества, личностными смыслами, мотивирующими людей для дальнейшей деятельности. Они приходят на смену институционально-регулятивным механизмам науки, имеющим надличностный характер. Нарушение привычных институциональных связей освободило научных сотрудников от многих ненужных зависимостей, хотя и породило хаос, неопределенность. «Бремя свободы» всегда связано с усилением личной ответственности, необходимостью самоопределяться. Личный выбор становится решающим в профессиональной социализации, определении карьерного пути, теоретических или институциональных предпочтениях, многих других составляющих деятельности ученого, которые на «массовом» уровне определяют лицо

и значение науки. Изучая сегодняшнее состояние российской социологии, необходимо отталкиваться от ее микроуровня.

Назовем, по меньшей мере, три причины общеметодического плана, свидетельствующие в пользу биографического исследования российской социологии: (1) отмеченное нарушение ее институционально-нормативного каркаса, которое обусловлено ослаблением (или даже снятием) роли советской версии российской социологии, ликвидацией идеологического давления, возможностью более свободного самоопределения социологов; (2) пробелы в информации о специфических деталях разрушения старых, создания и развития новых областей исследования, новых научных институций; (3) возможность с помощью личных свидетельств узнать неинституциональные, неофициальные факты научной жизни, которые дают смысловую картину ситуации, сложившейся в социальных науках.

Ни «индивидуальное», ни «массовидное» биографические исследования, которые находятся в тех или иных дисциплинарных рамках или в междисциплинарной области, не могут осуществляться по общему сценарию или, тем более, зависеть только от личного видения и вкуса исследователя. Каждое из них предполагает артикуляцию определенных научных задач и моделей, а потому — использование соответствующего понятийного аппарата и процедур анализа. Социологу науки, соответственно, необходимо найти средства для перевода автобиографической информации — фактов, переживаний, рассуждений и т. п. — в плоскость социологического знания о науке. Здесь важно понять, какой специальный инструментарий и ради каких целей, находящихся в структуре социологии науки, следует использовать.

Проведение биографических исследований в указанной сфере имеет определенный эвристический смысл и специфику. Чтобы показать это, остановимся на особенностях автобиографического интервью с социологом как жанра и как материала для социологии социологии, рассмотрим значение профессиональной автобиографии как культурной объективации, условия извлечения из нее надличностного, социокультурного смысла, пригодного для описания исторической ситуации, сложившейся в российской социологии. Кроме того, мы схематически обозначим некоторую специфику, свойственную интерпретации рассматриваемого типа интервью.

Итак, задача данной статьи — описать некоторые теоретико-методологические основания использования автобиографий ученого в социологии социологии. Нас будет интересовать надличностный, «массовидный», социально-культурный аспект автобиографии социолога — аспект, наиболее характерный для точки зрения социологии науки. В этой связи мы остановимся на вопросе, что в данном случае входит в предметную область исследования, какие интерпретационно-аналитические средства, в частности понятия, здесь необходимы, каковы границы биографического подхода в социологии социологии.

Но прежде сделаем некоторое отступление и покажем, в чем специфика биографического исследования состояния социологии в отличие от аналогичного изучения истории социологии. Иными словами, раскроем идею применения биографического метода в сфере социологии науки, или, в нашем случае, социологии социологии. Для удобства назовем такие исследования *социолого-биографическими*.

Социолого-биографическое исследование: структурные замечания

Вначале подробнее поясним смысл нашего определения рассматриваемого типа исследований — «социолого-биографические». Очевидно, что они предполагают объединение познавательного арсенала социологии (точнее, социологии науки) и биографического подхода. Предмет исследования — нынешнее состояние российской социологии в его различных проявлениях, входящих в предметную сферу социологии науки. Это и взаимодействия ученых внутри профессионального сообщества, и их отношения с обществом, властью, другими социальными институтами — весь комплекс объективных и субъективных факторов, влияющих на характер и результаты производства научного знания. Предмет и задачи исследований, которыми занимается социология науки, достаточно хорошо описаны в литературе. Соединение социологии науки и биографического подхода придает исследованию определенную оптику — оно усиливает индивидуальную, субъективную составляющую научного производства, помогает перейти на личностный план его исследования.

Интерес к личностному плану давно уже перестал быть сколь угодно оригинальным. Так называемый «культурный», или «антропологический» поворот в западных общественных и гуманитарных науках готовился уже с 60-х годов прошлого века, а 1980-1990-е годы можно считать его завершением. Прежде всего, этот поворот связан со стремлением к выявлению различий, изучением особенного в общественной жизни. В российской социологии он отчетливо дал о себе знать в 1990-е годы — в виде интереса к антропологическим, этнографическим, биографическим исследованиям (который, кстати, вылился в бурно обсуждавшуюся антитезу качественных и количественных методов, ныне, кажется, преодоленную). Однако, как отмечалось, биографические исследования самой российской социологии, насчитывающие всего несколько лет, пока нуждаются в теоретико-методологическом обосновании.

Итак, речь пойдет о социолого-биографических исследованиях, спроецированных на изучение российской социологии, иными словами, о биографических исследованиях в области социологии российской социологии. Такие исследования, для большей методологической определенности, нужно отграничить от «историко-биографических», которые

посвящаются реконструкции истории социологии в целом или ее этапов, то есть генезису науки. С их помощью можно изучать и «генезис» личностей в науке. Социолого-биографические исследования направлены на изучение не генезиса, а состояния науки, временного среза ее развития и, как отмечалось, лежат в дисциплинарной сфере социологии науки. Несмотря на то, что различение двух названных типов исследования в известной мере условно, оно помогает конкретнее обозначить интересующее нас предметное поле «социолого-биографических» исследований и методологические подступы к нему. Эти типы в той же мере автономны и соотносительны, в какой автономны и соотносительны история и социология.

Каково предметное поле социолого-биографического исследования социологии? Мы выделяем два подхода, различающиеся по степени их обобщенности и характеру предметной фокусировки. Соответственно, они связаны с двумя типами задач. Мы бы назвали эти подходы «*индивидуально-биографический*» и «*социально-биографический*».

При «индивидуально-биографическом» подходе, применяемом в социологии, индивид рассматривается в качестве исторической личности или рядового человека (как, например, в исследованиях повседневности). При таком подходе *задаются биографические образцы* или происходит *биографическое портретирование*⁴. Если этот индивид — социолог, то исследуются социальные влияния на профессиональную жизнь ученого, а также его обратное влияние на развитие науки как социального образования. Этот исследовательский ракурс («индивидуально-биографический») предназначен для изучения жизни и деятельности как рядовых, так и видных ученых, которые внесли общепризнанный вклад в науку или оказали на нее большое организационное влияние. Оба варианта биографического портретирования, хотя и преследуют разные цели, представляют собой «исследования случая» (case study), фокусирующиеся на жизни и деятельности социального индивида. Если этот индивид — видный ученый, — то «жанр» исследования аналогичен предпринимаемому в серии «Жизнь замечательных людей». Крупные фигуры и их путь в науке задают культурные образцы профессионализма и научного служения. Однако думается, что такое видение ближе к историческому, нежели социологическому, хотя историческое и социологическое как таковые не всегда поддаются разграничению. Если все же говорить о социологическом измерении, то «индивидуально-биографические» исследования можно условно отнести к сфере социологии личности.

«Социально-биографический» подход, предполагающий «массовидные» исследования, нацелен на реконструкцию характеристик

⁴ Это удачное выражение Б.В. Дубина, которое он использовал в контексте, посвященном написанию романа [19, с. 103].

общества (группы) или эпохи, а не жизни и облика отдельного человека, хотя и использует биографические материалы. В «социально-биографических» исследованиях социологии ситуация переворачивается: на первый план выдвигается общество, определенные социальные группы, «эпоха», а не ее отдельные «герои». Если воспользоваться различием Б.З. Докторова, здесь мы имеем дело с «историей в биографиях», а не с «биографиями для истории», как в первом случае [16, с. 14]. Появляется возможность обобщения, описания социально-типических, массовидных процессов.

С помощью «социально-биографического» подхода, объектом которого становятся не только значимые, но и рядовые фигуры в науке, можно изучить микроуровень научного производства — коммуникацию, социализацию, эпистемические ценности, когнитивные особенности — разного рода внутренние смыслы и механизмы научной жизни социологов, основанные на личностных мотивациях, предпочтениях и выборах. Такой угол зрения для наглядности можно соотнести с дисциплинарной областью социологии групп, или, точнее, социологии профессиональных групп, которые могут рассматриваться в культурном, структурном, институциональном, социальном и других аспектах.

В биографических проектах, претендующих на высокое качество результатов, эти подходы — «индивидуальный» и «массовидный» — могут объединяться, но не должны смешиваться, поскольку имеют разные задачи, предметы и методы.

Теперь представим описанную структуру социолого-биографического исследования социологии в более наглядном, графическом виде (см. схему 1). Обратим внимание, что в нее входят: а) *методы*, принятые в социологии науки и биографическом исследовании; б) *предмет* — состояние профессионального сообщества ученых; в) два качественно различающихся *подхода*: индивидуально-биографический и социально-биографический.

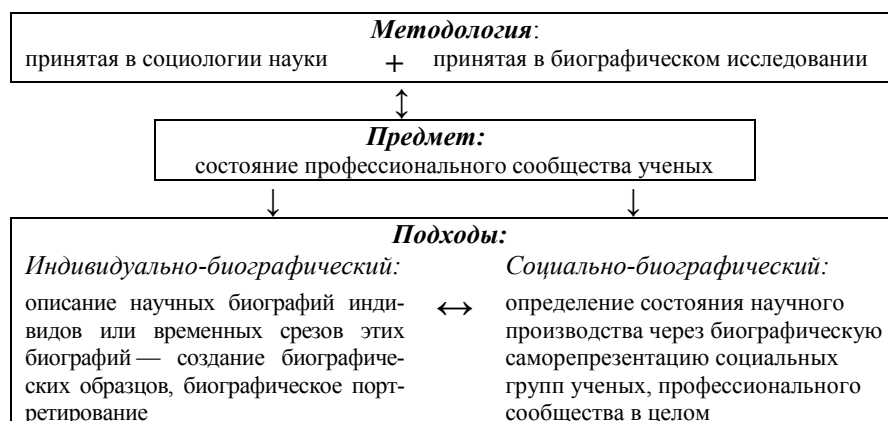

Схема 1. Социолого-биографическое исследование науки

Вот некий, неисчерпывающий, перечень возможных тематик массовидных биографических исследований применительно к современной российской социологии: 1) карьерные траектории индивидов в науке; 2) миграции внутри науки и за ее пределы; 3) ценностные установки на работу в социологии в том или ином ее направлении; 4) социализация в социологии; 5) самоидентичность социолога; 6) предпочтения в области теории и методологии, предметной сфере исследования; 7) система коммуникативных предпочтений, выражающихся в сотрудничестве, феноменах «учительства» и «ученичества», признании или непризнании авторитета, сетях научного взаимодействия; 8) формы и способы исследовательского труда социолога; 9) формы быта и повседневности в социологии; 10) слагаемые личного успеха или неуспеха в профессиональной деятельности; 11) механизмы внутренней адаптации социолога к трансформациям в науке; 12) совокупность убеждений, настроений, моральных и иных позиций и ценностей, которые можно объединить понятием «дух профессиональной группы» (родственным «духу времени»), «духу эпохи»), и др.

Если рассмотреть эти «переменные» — все вместе или в различных сочетаниях, — то с их помощью можно описать временной срез, или состояние социологического производства. В этом описании в снятом виде будет присутствовать и история профессионального сообщества, научных идей, смысловых структур поведения и деятельности, потому что все, что сейчас характеризует науку, — это итог ее прошлого в сочетании с новейшими влияниями. Временной срез, о котором идет речь, может восприниматься как проекция истории науки на сегодняшний день, истории науки, пришедшей к нам по «каналам» личных биографий ученых.

Итак, описанный взгляд позволяет учитывать два временных пласта — «горизонтальный» и «вертикальный», — содержащих два ряда причинной обусловленности событий: а) вычленять из автобиографического рассказа существенные факты, обстоятельства, характеризующие сегодняшний срез науки, и устанавливать их взаимосвязи, причинную обусловленность; б) учитывать временную ретроспективу, показанную в рассказе, в течение которой складывалась причинная обусловленность текущих фактов и обстоятельств. Появляется возможность проанализировать два ряда причинной обусловленности: текущих обстоятельств — друг другом и текущих обстоятельств — причинными связями, идущими из прошлого⁵. Применение анализа

⁵ К. Хеймер сравнивает как взаимодополняющие два вида анализа — анализ обстоятельств (cases) и анализ биографий (biographies) применительно к хаотичной общественной ситуации, в которой требуется принять правильное управленческое или юридическое решение. Автор подчеркивает, что сопоставление результатов двух типов анализа открывает

биографий, как отмечалось, наиболее целесообразно в период ослабления структурных связей, когда многие текущие события становятся трудно интерпретируемыми. Анализ биографий — это дополнительное познавательное средство, позволяющее преодолевать эту проблему.

Особенности материала для социолого-биографического исследования социологии и ролевая специфика коммуникантов

Обычно исследование в социологии науки, какой бы проблеме оно ни посвящалось, базируется на анализе данных наблюдений и интервью, реже — анкетного опроса. В качестве специфической формы интервью может рассматриваться и автобиография социолога, полученная другим социологом с использованием соответствующих методик интервьюирования. Под профессиональной автобиографией мы будем понимать *описание ученым своего жизненного и карьерного пути*, научного окружения, ситуации в прошлом и настоящем науки и т. д., иными словами — рассказ о личном опыте работы в данной профессиональной сфере. Такая автобиография может послужить материалом для разного рода науковедческих исследований — исторических (в рамках истории науки, истории идей, социальной истории науки)⁶, социологических (социология науки, социальная антропология, социальная эпистемология), психологических (психология науки, социальная психология науки, психология творчества), лингвистических и др. В практике биографических исследований такое различение осуществляется далеко не всегда. Отчасти это продиктовано неопределенностью самого биографического метода, который подчас выступает как применение некоторых методик — текстового или нарративного анализа, анализа устных историй, документов, мемуаров — к материалам биографического плана. Иными словами, на практике биографический метод — это аналитическая работа с разного рода биографическими материалами, подчиненная различным исследовательским задачам, а потому уместнее было бы вести речь о биографических исследованиях в различных дисциплинах, «поставляющих» ему цели, задачи, предметные области.

дополнительные когнитивные возможности и позволяет понять причины текущих событий [33].

⁶ Биографический проект в этой дисциплинарной области осуществлен Г.С. Батыгиным, см.: [27]. Подобная работа сейчас ведется Б.З. Докторовым, опубликовавшим ряд биографических интервью с российскими социологами старшего поколения (см. журналы «Телескоп» и «Социологический журнал»); результаты этой работы и большое количество других биографических материалов представлены на сайте «Международная биографическая инициатива»: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>

В таких исследованиях можно выделить не только дисциплинарные, но и жанровые различия, базирующиеся на степени, с одной стороны, документальности / литературности (вымышленности, художественности), а с другой — «индивидуализированности» / социальности («массовидности»). С наибольшей вероятностью к области научных можно отнести изыскания, стремящиеся к документальному, достоверному отражению индивидуальных или социальных («массовидных») биографий. Литературность и вымышленность более присущи литературно-биографическому творчеству. Хотя описанное деление вполне условно, и на самом деле «чистые образцы» здесь найти трудно. Так, изыскания, посвященные литературному жанру исторической биографии, не чужды документальности и стремления воссоздать портретные черты не только личности, но и ее эпохи. Напротив, результаты биографических исследований в науке часто тяготеют к метафоричности, образности и недосказанности. Это связано, по меньшей мере, с двумя особенностями работы с таким материалом. Первая заключается в том, что профессиональная биография ученого складывается не только из научной деятельности, но и разнообразных планов интеллектуальной и личностной жизни; их трудно увязать между собой, найти причинно-следственные связи и адекватный язык описания. Вторая особенность влияет на интерпретационно-аналитические возможности исследователя, изучающего биографию: чтобы извлечь из материала нужные смыслы и сведения и опять-таки найти для них язык описания, он должен иметь временную перспективу, отделяющую его как от событий повествования, так и от момента создания интервью. По этой причине метафоричность и недосказанность результатов биографического исследования преодолеваются только посредством их неоднократного переосмысления.

Аналитически упрощая ситуацию, можно говорить о том, что для социолого-биографического исследования социологии наиболее оправданно стремление одновременно соблюсти критерии документальности (то есть невымышленности, нехудожественности) и «массовидности» (социальности). В социологии при изучении биографий, как отмечалось, возможен и «индивидуализирующий» подход. Однако тогда акцент делается на «показе» отдельного индивида — в контексте общества, истории, эпохи или любом другом социальном контексте. А это уже совсем другой ракурс, менее близкий социологии науки.

Остановимся на специфике «фактуры» автобиографического материала, предназначенного для социологического исследования социологии. Способы создания автобиографии в целях социологического анализа многообразны: иногда ее пишет сам индивид по просьбе исследователя, она может быть собрана последним из материалов чьих-то воспоминаний, писем, дневников и т. д. Нас же, как отмечалось, будет интересовать теоретический аспект случая, когда автобиография создается в ходе вопрос-ответной коммуникации между

ученым-обществоведом (в первую очередь, социологом) и исследователем социологии науки. Структурно ее текст ничем не отличается от биографического интервью, взятого у представителя какой-то другой профессии, поколения, группы, чего никак не скажешь о специфике содержательной.

Здесь мы оставляем без внимания самоценный методический вопрос, как социолог науки (вместе с субъектом биографии⁷) создает автобиографическое интервью, в чем специфика методики и процедуры⁸. Очевидно, подход и задачи социолога будут изменяться в зависимости от того, представителя какой дисциплины он интервьюирует — социально-гуманитарной или естественной. Отметим один наиболее значимый момент: содержание интервью в первом случае возникает из диалогического взаимодействия двух социологов, один из которых интервьюер, а другой интервьюируемый, из взаимных напряжений, рассогласований и согласований, которые возникают в ходе коммуникации⁹. Эта необычная ситуация всегда влияет (будем надеяться, в интересах дела) на результат работы, то есть биографическое повествование. В таком рассказе принимают участие двое — автор, рассказывающий о себе и науке, и слушатель-интервьюер, который направляет ход повествования и его содержание, расставляя акценты, помогая создавать значимые факты. Что позволяет сделать такое утверждение? То, что в случае рассматриваемого интервью оба его участника являются профессионалами в сфере социальной науки. Таким образом, не только автор интервью, но и интервьюер профессионально осведомлен о рассказываемом и сам мог быть участником излагаемых событий. Речь здесь идет не о методологическом нарушении, а о специфике, предполагающей присутствие внутри рассказа двух участников. Их можно назвать «явный» — автор, и «неявный» — социолог-интервьюер (во всяком случае, — эксперт, консультант или советчик автора). Интервьюируемый ученый и интервьюер, поскольку оба представляют область социологии, здесь фактически говорят о понятном друг для друга предмете и на одном языке, который может

⁷ Заметим, что «субъект» в данном случае — понятие многозначное. М. Бургос, например, предлагает различать «три типа конкретизации субъекта: субъект в качестве реального интервьюируемого; субъект — предмет, герой рассказа; и субъект — рассказчик истории», каждый из которых занимает особое место в структуре повествования [7]. Очевидно, что мы употребили это понятие в первом значении.

⁸ Методические проблемы создания такого биографического интервью суммируются в указанной статье Н.Я. Мазлумяновой.

⁹ Диалогичность Г.-Г. Гарамер рассматривает в качестве одного из условий понимания. Его правильность обеспечивается созданием общего смыслового поля («слиянием горизонтов» индивидуальных интерпретаций), которое признается субъектами за истину.

быть не знаком стороннему наблюдателю¹⁰. С одной стороны, это облегчает задачу сбора материала и его интерпретации¹¹, с другой — неизмеримо расширяет горизонты исследования, придает ему специфику. Вряд ли таким «неявным автором» и успешным аналитиком сможет стать новичок в социологии науки: описываемая ситуация требует от интервьюера хорошей подготовленности, знаний о жизни и работе опрашиваемых коллег, об истории науки. В противном случае в результатах деятельности социолога-интервьюера более опытные и профессиональные коллеги смогут необычайно (для биографического метода как такового) легко находить ошибки и недочеты.

Имеется ряд ограничений и проблем, с которыми сталкивается любой специалист (психолог, историк и др.), в том числе и социолог науки, создающий автобиографическое интервью. Это, например, правдивость / неправдивость автора, понимание / непонимание интервьюера, знание / незнание каждого из них и т. п. Такие проблемы остаются в силе и решаются в зависимости от научной компетентности и добросовестности обоих коммуникантов. Однако в нашем случае есть основания говорить и о дополнительных требованиях, предъявляемых к созданию и интерпретации автобиографического интервью. Обращаясь к теоретическому ракурсу рассматриваемого типа автобиографии, важно иметь в виду специфику взаимодействия интервьюируемого ученого и социолога науки.

Существует выраженная ролевая специфика как у исследователя,

¹⁰ Здесь естественным образом преодолевается проблема несовпадения языков, существующая в этнографическом исследовании и анализе культуры, на которую указывал К. Гирц: «Если рассматривать этнографическое исследование с точки зрения личного опыта, то оно заключается в том, чтобы искать общий язык, а это непростая затея, которая удается обычно лишь в некотором приближении. Если же рассматривать письменный труд антрополога как научное предприятие, то он заключается в попытке сформулировать некие основы, на которых, как это обычно безосновательно кажется, можно найти этот общий язык» [13, с. 116].

¹¹ Согласно концепции Г.-Г. Гадамера автобиографический текст содержит для опытного социолога «фактическую истину» уже на том основании, что и автор, и интерпретатор обращаются к реальности общей для них науки и общего бытия в науке. В этом случае «субъективность» рассказа уходит на второй план. Понять, по Гадамеру, — это, прежде всего, понять «само дело» и лишь потом чужое мнение: «Это означает не что иное, как стремление действительно посчитаться с фактической правотой того, что говорит другой... Мы движемся в таком измерении осмысленного, которое само по себе понятно и потому никак не мотивирует обращение к субъективности другого» [11, с. 345]. Первое условие герменевтики, по Гадамеру, — это предметное понимание, возникающее в ситуации, когда «я» и другой имеют дело с одной и той же вещью.

так и у информанта. Функция первого здесь имеет особый этический аспект¹². Остановимся только на некоторых его составляющих. Дело в том, что субъект биографии в данном случае репрезентирует себя не столько как человека, сколько как профессионала, и не некому анонимному слушателю (читателю), а такому же, как он, профессионалу, вынося на суд научного сообщества представления о личном вкладе в науку, свой образ ученого, за которыми стоит молчаливое притязание на воспризнание и место в профессиональном сообществе или истории науки. Речь, разумеется, не идет о преувеличенных амбициях, а лишь о «законах жанра», по умолчанию предполагающих подобный внутренний смысл профессионального автобиографического рассказа. Отсюда возникают задачи социолога науки, заключающиеся не только в том, чтобы «отделить зерна от плевел» и получить дополнительные знания (скажем, о типах научных карьер, ситуации в науке в различных временных срезах, институциональной организации научного сообщества и т. д. и т. п.), но и в том, чтобы не дать ложной или предвзятой интерпретации предоставленному личностному материалу и, соответственно, стоящему за ним образу (впрочем, эти две цели тесно связаны). Ведь автобиография, изложенная на бумаге с последующей публикацией и интерпретацией, — это по существу документализация, если не сказать своеобразное историческое закрепление, осуществление личной биографии. То же, разумеется, относится и к другим героям рассказа.

Возникает вопрос: как же быть с правдивой информацией, которая негативно характеризует самого рассказчика или других его героев? Что предпочесть исследователю: милосердие или научную честность? Здесь интервьюер близок к проигрышу в любом случае: или он «обеляет» кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непорядочности. Какое решение здесь станет «соломоновым», — зависит от каждого конкретного случая. Пока что мы только указываем на эту этическую проблему. Границы «редактирования» автобиографического материала — сложный методический вопрос, требующий специального обсуждения.

Ролевая специфика имеется и у автора интервью, предопределенная тем, что этот человек включен в изучаемое научное производство. Осознавая задачу исследования, он, как правило, стремится к ее осуществлению, то есть при реконструировании своей профессиональной биографии он старается осветить важные события научной жизни, минимизировать субъективные оценки, рассказать не только о

¹² На этических аспектах роли интервьюера при создании и обработке биографического интервью останавливается Б.З. Докторов в статье «Биографии для истории» [16].

значимых сторонах своей личности и собственной научной практики, но и создать портреты коллег, оказывающих влияние на ситуацию в науке (тем более что за всем этим следит социолог-интервьюер). Пользуясь определением Г.О. Винокура [9], автор интервью в данном случае воссоздает не только внутреннюю (личную), но и (внешнюю) общественную, социокультурную историю науки. По крайней мере, такие принципы вменяет автору интервью сама ситуация, и их с уверенностью можно отнести к сфере долженствования, хотя на деле ничего не гарантируется. Здесь нельзя сбрасывать со счетов ни особенности человеческой памяти, ни личностные амбиции или интересы автобиографа. Успех интервью здесь, как и всегда, в большой мере зависит от информированности и мастерства интервьюера, от компетентных усилий обоих.

Для исследования надличностного, «массовидного», социально-культурного аспекта автобиографии социального ученого, которому основное внимание уделяется в этой статье, самым важным нам представляется следующее: определить методологический инструментарий, с помощью которого возможен «перевод» личностно-субъективного содержания автобиографии в надличностное, социальное, исторически-объективное знание о науке. Здесь полезно представление об автобиографии как социокультурной объективации.

Автобиография как социокультурная объективация

Примем за основу точку зрения, что *автобиография включает соединение субъективного и объективного опыта, описанного с позиции автора, а в нашем случае еще и при участии социолога науки*, который может влиять на получение знаний о личности ученого и научном цехе, внося в эти знания дополнительный смысл. Но даже если бы это был не социолог, а, скажем, литератор, работающий над чьей-то автобиографией, то и тогда данное утверждение не потеряло бы смысл. Справедливо мнение М. Бургос: образ «Я», вырастающий из автобиографических свидетельств, функционирует так, что «представляет рассказчика как рупор надындивидуального субъекта, чья цель — обеспечивать сохранность и передачу коллективного опыта». Она же замечает далее, что «автобиографические свидетельства, главным образом, относятся к коллективному опыту» [7].

Биография несет в себе поведенческие и нормативные образцы, которые в какой-то момент перестают принадлежать индивиду и становятся элементами культуры общества. Это свойство биографии приобретает особое значение в периоды социальных трансформаций, когда изменяются прежние культурные образцы. В эти периоды, по мнению Б.В. Дубина, биография отдельного человека из «личной проблемы» становится общественной необходимостью, «проблемой культуры». «В этом смысле биография как регулятивная модель индивидуального

свершения, — пишет он, — не только ставит под вопрос традиционные, родовые формы предписанного жизненного пути, но и наново, в нормативном порядке, закрепляет пересмотренные границы идентичности в качестве высокозначимого и общедоступного образца для социальных новичков и — теперь уже — *любого* человека» (курсив Б. Дубина. — Л.К.) [19, с. 101]. Таким образом устанавливаются «рамки обновленного существования, складываются образы жизни новых групп и т. п.».

Свойство биографии передавать коллективный опыт находится в числе характеризующих ее как социокультурную объективацию. (Используя это выражение, мы хотим подчеркнуть не только то, что через письменное изложение автобиографии культурный опыт передается, но и то, что через него этот опыт «материализуется» в тексте.) Другое свойство: биографию нельзя рассматривать как принадлежащую к определенному пространству или времени, поскольку излагаемое в ней может иметь отношение к любым пространственно-временным параметрам — в качестве реальных, вымышленных, воображаемых, проектируемых событий и фактов. Еще одно свойство автобиографии как культурной объективации, вернее, условие придания ей такого статуса, заключается в том, что ее следует рассматривать не только как выражение психических актов ее автора. При определенных приемах это вполне достижимо. Такие акты, хотя автобиографическое повествование пропитано ими и социолог науки должен иметь их в виду при интерпретации, — лишь средство для передачи индивидуального и коллективного опыта. Автобиография, прежде всего, обладает посреднической функцией, то есть передает заложенные в ней культурные смыслы.

Рассмотрение автобиографии в качестве социокультурной объективации позволяет частично вынести результаты ее интерпретации за рамки субъективного восприятия автобиографом своей жизни. Правда, сам процесс интерпретации содержит много белых пятен. Посредником между «субъективным рассказом» и «объективным опытом» здесь является интерпретатор. Иными словами, с помощью аналитической работы над автобиографией можно получить некую информацию, имеющую объективный статус и не обязательно объединяемую рубриками «глазами автобиографа», «с его точки зрения», «по его мнению» и проч. Автобиография может использоваться не только как личный, но и как общественный документ. Все зависит от того, какие теоретические посылки и какой инструментарий избираются, хотя сделать инструмент надежным и достоверным — весьма трудная задача. Повторяем, здесь много методологических неясностей, и вопросов больше, чем ответов.

Интерпретация автобиографий как способ перехода от субъективного к объективному содержанию

Методы интерпретации, включающие понимание и объяснение, — один из необходимых элементов биографического исследования. На

наш взгляд, чтобы адаптировать их к целям социолого-биографического изучения социологии, необходимо рассмотреть соотношение субъективного (личного) и объективного (социально-исторического) в структуре автобиографического повествования.

Может ли исторический рассказ, разновидностью которого является автобиографическое интервью, считаться репрезентацией истории сам по себе — без интерпретации, понимания и объяснения? Аналогичный вопрос стал предметом обсуждения у представителей различных теоретических направлений западной социальной мысли. П. Рикер, в частности, пишет о двух группах франкоязычных и англоязычных историков: первые «выразили все свое неудовольствие в носящем предварительный характер противопоставлении истории-рассказа и истории-проблемы» (здесь Рикер ссылается на работу Франсуа Фюре: *Furet F. De l'histoire-recit a l'histoire-probleme // Diogene. 1975. No. 89*), вторые «возвели конфигурирующий акт создания рассказа в ранг объяснения, исключаящего причинные, и даже финалистские, объяснения» [26, с. 335]. Таким образом, представители этих двух направлений создали альтернативу, делающую из повествовательности либо препятствие объяснению, либо его замену. Мы находимся на стороне Рикера, не соглашающегося с такой альтернативой. По его мнению, исторического повествования недостаточно для реконструкции истории, поскольку для этого требуется его интерпретация: «...не надо ожидать от нарративности: чтобы она заполняла пробел в объяснении/понимании», — пишет он [26, с. 335].

Статусы объективного или субъективного, истинного или неистинного элемента повествования приписывает интерпретатор на основе определенных методов и процедур¹³. Переход от субъективного (личного повествования) к объективному (репрезентации истории), на наш взгляд, — это основная функция интерпретации рассматриваемого типа интервью. Иными словами, данная функция заключается в том, чтобы содержание рассказа перестало соотноситься только с сознанием его автора, вышло за его пределы и приобрело общезначимые смыслы. Эксплицировать эти смыслы может интерпретатор. Если этого не сделать, то рассказ так и останется «авторским», каждый читатель сможет трактовать его независимо от каких-либо научных представлений и правил, а необходимость в работе интерпретатора отпадет. В результате разрушится сама модель научного исследования, хотя такая модель отнюдь не отменяет многозначность интерпретаций.

¹³ Качество истинности или неистинности (ложности) правомерно приписывать как субъективной, так и объективной составляющей автобиографического рассказа, и это также (ранее других) делает интерпретатор. Однако категории истинности и неистинности здесь еще более относительны, чем субъективности и объективности.

Итак, мы утверждаем, что без работы интерпретатора над биографическим повествованием реконструкция заложенных в нем исторических смыслов не состоится. Но какова же роль повествователя, автора рассказа? Здесь несколько слов следует сказать об уровнях интерпретации. Мы выделяем *первичную и вторичную интерпретации*¹⁴. Первая осуществляется при создании текста интервью — в нашем случае автобиографом и социологом-исследователем, при содействии которого создается текст. Ведь уже в самом рассказе проявляются особенности памяти, содержатся вымыслы, придуманные образы и прочее — трудности, требующие преодоления в процессе повествования, то есть отбора, оценивания, интерпретации. Этому способствует и «повивальная» роль социолога-интервьюера. Вторая — вторичная интерпретация — осуществляется при осмыслении биографического текста и, следовательно, только интерпретатором, без участия автора. Это и есть собственно финальная фаза исторической реконструкции¹⁵, поэтому, по определению Рикера, она имеет «истинностную нацеленность исторического знания»¹⁶. Иными словами,

¹⁴ «Первичная» и «вторичная» интерпретации выделяются только для аналитических целей и применительно к начальному этапу исследования. На самом деле интерпретация в любой дисциплинарной сфере имеет многократный характер. К. Гирц пишет об этом: «...антропологические работы представляют собой интерпретации, причем интерпретации второго и третьего порядка. (По определению, только “туземец” может создать интерпретацию первого порядка: это ведь *его* культура.)» (курсив К. Гирца. — Л.К.). В роли «туземца» в нашем случае выступает автобиограф, создающий повествование при участии социолога-исследователя, отсюда понятие «первичная интерпретация». И далее: «Антропологические работы, основанные на других антропологических работах (например, работы Леви-Строса), могут быть, конечно, четвертого порядка и так далее, да и информанты иногда, даже часто, делают интерпретации второго порядка — они получили название “туземные модели”» [13, с. 119].

¹⁵ Разумеется, «финальность» этой фазы условна и относительна, так как история — это документ, подвергающийся постоянному переписыванию.

¹⁶ «Первичная интерпретация» аналогична понятию П. Рикера «мнемическая репрезентация» (то есть создание текста, основанное на воспоминании), а «вторичная интерпретация» — понятию «историческая репрезентация», отождествляемому им с понятием «интерпретация» и наделяемому критерием истинности. «...Хоть это и кажется парадоксом, мы не можем охватить все содержание понятия интерпретации, связывая его лишь с одним репрезентативным уровнем исторической операции <...> понятие интерпретации имеет ту же амплитуду приложения, что и понятие истины; оно очень точно указывает на примечательное измерение истинностной нацеленности исторического знания. В этом смысле интерпретация существует на всех уровнях историографической операции: например, на уровне документальном, при отборе источников, на уровне объяснения/понимания, в связи с выбором конкурирующих способов объяснения...» [26, с. 330].

если *первичная интерпретация* связывается с созданием повествования, то *вторичная интерпретация* — с его пониманием и объяснением; она должна ориентироваться на критерий истинности.

Вернемся к вопросу о соотношении субъективного и объективного в автобиографическом рассказе. Для аналитических целей будем различать в нем два содержательных пласта, наделяя их свойствами субъективности (соотнесенность с сознанием автобиографа) или объективности (несоотнесенность с сознанием автобиографа): 1) «*субъективное повествование*» — рассказ о себе, о ком-то (другие лица) и о чем-то (факты, события, обстоятельства, ситуации, структуры и проч.), основанный на собственном взгляде, мнениях и оценках рассказчика; 2) «*объективное повествование*» — рассказ о себе, о ком-то и о чем-то, основанный на механическом пересказе не принадлежащих повествователю сведений о фактах, воспроизведении чужих мнений, оценок. Именно в этом смысле все это — и факты, и мнения, и оценки — можно считать «объективными». Пересказывая их, интервьюируемый как бы отсылает к некому общественному мнению. Такие сведения, точки зрения, оценки могут быть как общепринятыми, не вызывающими сомнений (по крайней мере, на момент рассказа и его интерпретирования), так и принадлежащими отдельным лицам, и даже могут быть спорными.

Первый пласт рассказа является отражением субъективности автора. Он воспроизводит (конечно, примерно, насколько позволяют свойства личности и языковые средства) картину его отношения к рассказываемому — и в том числе к самому себе. Следовательно, интерпретатор здесь выполняет двоякую задачу: 1) «дорисовывает», или «прорисовывает» *автопортрет*, уже созданный рассказчиком. Биографическое портретирование может выражаться в комментировании каких-то свойств или действий автобиографа, расстановке акцентов в отношении передаваемых сведений о его жизни, выделении наиболее или наименее значимых моментов в оценке автобиографом самого себя; 2) анализирует и комментирует ту *картину социальной реальности* — то есть эпизоды с другими людьми, различные факты и события, — которая существует в личностном восприятии автобиографа.

Второй пласт рассказа — «объективное повествование» — представляет собой некую совокупность не соотнесенных с сознанием автобиографа сведений о себе, других людях и фактах. Эти сведения воспроизводятся на основании чужих, не принадлежащих рассказчику, оценок и мнений, наконец, на основании знания, которое имеет предикат объективности как таковое¹⁷. Разумеется, такие сведения могут и отражать, и не отражать реальное положение дел. В любом

¹⁷ На наш взгляд, такое утверждение не противоречит основной концепции М. Полани, выраженной в книге «Личностное знание».

случае «объективное повествование» включает картину социальной реальности (в том числе и образ автобиографа), которая существует в общественном сознании и восприятии, соответствует имеющейся традиции. Задача интерпретатора здесь заключается в следующем: он вычленяет из рассказа и анализирует информацию о фактах и событиях, которые можно считать бесспорными, объективными, и отбрасывает (проверяет) все субъективные (неразделяемые, непроверенные) и спорные сведения. Такие сведения, как и в «субъективном повествовании», могут касаться самого рассказчика и всего того (всех тех), что включено в его рассказ. Здесь мы пока оставляем в стороне более сложную ситуацию, когда рассказчик своим повествованием оказывает преобразующее влияние на общественное сознание и знание, изменяет традиционное видение.

С «объективным повествованием» все более-менее ясно: здесь информация рассказчика заведомо имеет статус объективной (невывмышленной, непридуманной) или может быть проверена на объективность. Как правило, она касается фактологии, не вызывающей сомнений, например дат, общеизвестных событий, названий институций и имен. Исследователю лишь надо проанализировать ее в зависимости от своих задач. Возможные неточности могут быть легко откорректированы с помощью справочников и документов.

Вопрос заключается в том, может ли автобиография, взятая в единстве своих «субъективного» и «объективного» повествований, преодолеть статус личного документа, вывести исследователя на уровень социально-исторических обобщений? Заменяем этот вопрос серией других, конкретизирующих проблему.

Как перейти от субъективного к объективному, от мнений (о фактах) к обобщениям (фактов) — то есть к социальной истории? Преодолим ли разрыв между субъективным (видением автора) и объективным (историей)? Насколько здесь возможно соблюсти критерий истинности? Какие существуют опосредующие звенья между биографическим (лично значимым) и социально-историческим (социально значимым)? Ведь очевидно, что между ними не может быть непосредственной связи.

Как представляется, здесь существует только одно опосредующее звено — аналитическая, интерпретационная деятельность исследователя, с помощью которой он делает заключения от (субъективного) рассказа к (объективной) истории. Выше мы определили эту деятельность как «вторичную интерпретацию». Иными словами, исследователь выводит социальную историю из биографического рассказа, или осуществляет перевод биографического в историческое. (Здесь лишне напоминать о корректирующей роли дополнительных, в том числе документальных источников информации, которая сама собой разумеется. Но здесь совсем не лишним может быть рассмотрение

теоретических концепций, отражающих создание истории, исторического описания. Однако сейчас мы ставим перед собой более скромную задачу.) Чтобы доказать, что этот переход состоялся, исследователь должен описать этапы своего рассуждения и обосновать полученные выводы. Иными словами, *исследователю необходимо формализовать и обосновать «правила вывода»*. В противном случае его заключение — это такой же субъективный рассказ, какие он получает от своих информантов.

Биографические рассказы ценны тем, что в них вербализованы смыслы, принадлежащие самой социальной реальности, но «извлечь», «вывести» их из рассказа должен исследователь. Это замечание указывает на то, что данные смыслы содержатся в самом рассказе, исследователь с помощью обоснованных правил — «вторичной интерпретации» — лишь выводит их оттуда, (по возможности) произвольно ничего не искажая.

Схема 2. Структура автобиографического повествования и приоритетная область «вторичной интерпретации»

«Вторичная интерпретация» затрагивает весь комплекс автобиографического повествования. Но особенно неоспорима приоритетность такой работы в той его сфере, которую мы определили как «субъективное повествование». Оно лишь в потенции содержит возможность стать реконструкцией социально-значимых смыслов, что без «вторичной интерпретации» неосуществимо. На схеме 2 показана структура автобиографического повествования. Приоритетной областью «вторичной интерпретации» являются биографические сведения, составляющие основу «субъективного повествования». Именно они могут приобрести социально-историческую значимость в результате указанной операции интерпретирования.

«Вторичная интерпретация» и три типа значений социокультурных объективаций

Как осуществлять процедуру «вторичной интерпретации» автобиографического материала, отделяющей субъективное от объективного в

повествовании автобиографа? В поисках теоретического инструментария обратимся к концепции К. Мангейма об уровнях значений культурных объективаций.

Подчеркивая смысловой характер явлений культуры, К. Мангейм выделяет три «уровня значений», позволяющих понимать этот смысл. Он пишет: «...любой продукт культуры может быть понят полностью лишь при следующем условии: сначала он должен быть понят как “нечто само по себе”, безотносительно к его посреднической функции, после чего необходимо обратить внимание на его опосредующий характер, причем в двух аспектах. Каждый продукт культуры в этом плане обнаруживает три различных “уровня значений”: а) объективное значение, б) выразительное значение, в) документальное, или доказательное, значение» [22]. Мангейм иллюстрирует эти типы значений на примере искусства.

Для пояснения своей идеи К. Мангейм пользуется известным модельным примером, который может быть вполне наглядным и в нашем контексте. Во время совместной прогулки по улице приятель Мангейма подает деньги нищему. Как факт это действие выражает единственное значение — «подавание». В другом — выразительном — значении это действие может быть квалифицировано как «милосердие», «сострадание», «жалостливость». Этот тип значения нерасторжим с субъектом. Для интерпретации выразительного значения необходимо понимать, что имел в виду субъект, как это в тот момент представлялось его сознанию. И, наконец, документальное значение. Исследовав некоторые ненамеренные проявления (выражение лица, интонацию и др.) человека, давшего милостыню, можно было прийти к заключению, что этот акт на самом деле — «лицемерие». Таким образом поступок приобретет совершенно иное социокультурное значение.

Первый тип значения — общий для познания как природного, так и социального объектов. Познать объект «сам по себе», значит познать его объективные признаки и свойства. Для автобиографии это, прежде всего, описание событий, процессов, отношений, сопутствующих разворачиванию повествования и составляющих его фактологическую канву, то есть то, что мы назвали «объективным повествованием», и частично «субъективное повествование». Без выразительного и документального значений понимание культурной объективации невозможно. Выразительное значение — это тот субъективный смысл, который автор вкладывает в свое произведение. Следовательно, в случае автобиографии это «субъективное повествование», выражающее отношение автора к тому, о чем он рассказывает. Документальное значение есть тот объективный смысл, который заложен в произведении, но раскрыть который может лишь интерпретатор, так как автору произведения (автобиографии) он не дан, автор лишь может невольно указывать на него маркерами

своего рассказа¹⁸. Как отмечалось, объективный смысл (по преимуществу из «субъективного повествования») выводит интерпретатор.

Попытаемся применить ту же схему рассуждения, имея в виду интерпретацию автобиографического рассказа и используя некоторые предложенные нами понятия.

Предположим, что и автобиография ученого имеет, по крайней мере, три смысловых плана, которые характеризуются тремя уровнями значений. Разумеется, дифференциация такого гомогенного интеллектуального продукта, как автобиография — это лишь аналитический прием. Далее рассмотрим отдельно принципы интерпретации каждого уровня значения.

а) Чтобы прояснить *объективное значение*, надо проанализировать «объективную социальную конфигурацию», фиксированную в автобиографии, или, пользуясь нашим словарем, «объективное повествование». Иными словами, необходимо идентифицировать, *о чем говорится в автобиографии*, то есть что, как и когда в ней существует или «происходит». Под «что» можно понимать лица (включая самого рассказчика), надличностные социальные образования, факты, события, процессы, явления, поведенческие ситуации и т. п., — как было отмечено, фактологическую канву. Слово «как» объединяет описания видимых, констатируемых способов осуществления событий. Под рубрикой «когда», естественно, находятся называемые даты.

Все перечисленные объекты биографии, как отмечалось, могут иметь отношение как лично к рассказчику, так и к его социальному окружению — семье, друзьям, коллегам, учителям, влиятельным для него фигурам в науке и вне ее. Речь в данном случае может идти и о

¹⁸ Документальный метод Мангейма, в частности, использовал Г. Гарфинкель в эксперименте, связанном с консультированием студентов по их жизненным проблемам; результаты изложены в работе Гарфинкеля «Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов». В ней автор дает важное пояснение к документальному методу: «Согласно Мангейму, — пишет он, — документальный метод включает поиск “идентичного гомологичного паттерна, лежащего в основе огромного разнообразия совершенно различных пониманий смысла” (*Mannheim K. On the Interpretation of Weltanschauung // Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. P. 53-63*). Метод состоит в том, что реальное проявление рассматривается как “документальное свидетельство”, как “указывающее на”, как “замещающее” предполагаемый лежащий в основе паттерн. И не только лежащий в основе паттерн выводится из своих индивидуальных документальных свидетельств, но и индивидуальные документальные свидетельства, в свою очередь, интерпретируются на основе “того, что известно” о паттерне, лежащем в их основе. Одно используется для разработки другого» [12, с. 4].

событийной жизни надличностных социальных образований — научных групп, школ, институций, науки в целом. Как микро-, так и макроуровневые отношения могут разворачиваться и внутри научной сферы, и вне ее, — например, во взаимодействиях ученого (или коллективного научного актора) с властью, бизнесом, культурными сообществами.

В совокупности сведений, имеющих объективное значение, нет апелляции к внутреннему миру, личностным свойствам и убеждениям автора биографии. Все это — некие констатации. Их значение понятно и без обращения к интенциональным актам рассказчика. Социологу науки надо принимать их как фактичность, правда, такую фактичность, которая дана в изложении и видении автора биографии. Если в искусстве объективное значение — это визуальный факт, «чистая видимость», то в науке оно представляет собой «теоретическое предположение», на что указывает К. Мангейм [22, с. 67].

Чтобы создать план объективного значения автобиографии, автору достаточно вспомнить и описать значимые лица, события и даты. Создавая опросник или путеводитель автобиографического интервью, важно стимулировать автора к четкой артикуляции объективного значения, которое, по существу, составляет социально-исторический каркас автобиографии и первичный материал для интерпретации. Представления о том, какие сведения наиболее важны, зависят от конкретных задач исследования, базовой информированности социолога науки об изучаемом предмете и компетентности интервьюируемого. При этом необходимо хорошо знать контекст, систему социальной жизни ученого и науки, исходя из которых, как пишет Мангейм, «воспринимаемые нами данные сплачиваются в смысловую сущность» [22, с. 67]. Иными словами, только значимая фактичность, заложенная в автобиографии, нужна социологу для интерпретации. Исследователь анализирует, как рассказчик вспомнил, уточнил, обнародовал факты, — насколько полно и точно он это сделал, какая картина из этого складывается? Знание фактов из жизни ученого, а также из истории науки, свидетелем которых он был или о которых знает наверняка, важно для реконструкции ситуаций, связанных с настоящим и прошлым науки.

б) *Выразительное значение* нерасторжимо с внутренним миром автобиографа и его жизненной и научной практикой. Нами все это объединено в понятии «субъективное повествование». Этот тип значения показывает, *что думает автор автобиографии* о рассказываемом, как он относится к элементам своего рассказа и его героям. Выразительное значение — это по преимуществу субъективно подразумеваемое значение. Оно является результатом интенциональных актов рассказчика. Конкретно автор может выражать свои симпатии и антипатии, предпочтения, моральные оценки и т. п. Он также может

воспроизводить принадлежащие другим индивидам или коллективам настроения, мнения и оценки, которых придерживается или не придерживается сам. Словом, это некоторый оценочный фон, который воспроизводит автор и на котором излагает элементы своей научной биографии, биографию в целом. В данном случае автор является «наблюдателем» и «комментатором» излагаемых событий, передавая их смысл в силу своего понимания и возможностей, а социолог — интерпретатором этих наблюдений и комментариев.

Это смысловой план автобиографии, в котором автор более всего выступает от «первого лица», выражая свою неповторимую аутентичность, свой «дух». Так он создает личную историю (то есть историю своей профессиональной, личностной жизни) или общественную историю. Но в обоих случаях подходит рубрика «глазами автора». План выразительного значения определяется личностными свойствами рассказчика и условиями его социальной жизни. Ведь от этих условий зависит и «взгляд» автора на обстоятельства, на которые кто-то другой посмотрел бы иначе. Социолог должен уметь разобраться в «качестве зрения» и оптике автора. Здесь социолог должен обладать интуицией и навыками герменевта. Это налагает на него дополнительную обязанность — владеть социально-историческим и культурным контекстом описываемых событий. Необходим выход за пределы автобиографического рассказа и погружение в опыт рассказчика и исторический опыт, к которому принадлежат и он сам, и интерпретатор¹⁹.

Интерпретация выразительного значения предполагает понимание аутентичного отношения автора к тому, о чем он рассказывает, субъективных значений, которые он придает элементам своего повествования. Здесь, на наш взгляд, нельзя недооценивать «субъективное повествование». Условия «предпонимания», «традиции», к которой принадлежат и автор, и интерпретатор, — необходимы, но не достаточны для перехода от биографического к социально-историческому.

¹⁹ Такая позиция близка философской герменевтике Г.-Г. Гадамера, что мы уже отмечали. По его мнению, усилия по интерпретации текста тогда могут увенчаться успехом, когда интерпретатор причастен той же исторической традиции, что и автор. Здесь важны его категории «предпонимания» и «традиции». При отсутствии каких-либо привилегированных точек зрения в процессе интерпретации такое понимание, по Гадамеру, осуществляется «в форме общности основополагающих и несущих пред-рассудков — заранее сложившихся суждений. Герменевтика должна исходить из следующего: тот, кто хочет понять, связывает себя с предметом, о котором гласит предание, и либо находится в контакте с традицией, изнутри которой обращается к нам предание, либо стремится обрести такой контакт» [10, с. 79]. «В действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории... Момент традиции в историко-герменевтической установке осуществляется благодаря общности основополагающих предрассудков» [11, с. 329].

Установка на возможность «схватить» надличностные, социальные смыслы и ценности, лежащие в основе герменевтического анализа, оставляет в тени смысл субъективного, самодетерминированного, которое может быть спонтанным или слабо опосредованным социальными обстоятельствами. Дж. Александер называет такой эффект «коллективным идеализмом герменевтического анализа». Способность так или иначе видеть события повествования, так или иначе их оценивать и излагать — это также сугубо индивидуальная субъективная особенность рассказчика. Однако именно объективация этого видения в автобиографическом повествовании позволяет создавать вариации культуры. Отсюда понимание и объяснение «субъективного повествования», то есть его «вторичная интерпретация», — это возможность раскрыть микросоставляющую истории и необходимое условие социально-исторической реконструкции. При осуществлении процедуры необходимы уважение «к инаковости текста» и снятие собственных «предсуждений» и «предсуждений» интерпретатора, о чем пишет Гадамер.

в) *Документальное значение* скрыто в заложенных в культурной объективации свидетельствах о чем-то, указаниях на что-то, что напрямую не высказано и не описано в автобиографическом рассказе. Это невысказанные надличностные смыслы, имеющие общественную значимость. Они имплицитно содержатся как в «субъективном», так и «объективном» повествованиях. Документальное значение не является интенциональной целью автора биографии. Для него это ненамеренный и подчас неосознанный продукт. Это значение не существует в рассказе как таковое, не выражается автором, а эксплицируется интерпретатором. Интерпретировать его — значит понять и объяснить то, *на что указывается в рассказе*, иными словами, совершить интерпретативную работу по социологическому производству фактов, созданию социально-исторического. «Фактическая истинность» текста, о которой пишет Гадамер, должна быть очищена от затемняющих смыслы искажений.

Для понимания документального значения необходимо владеть знаниями о предметной области автобиографии ученого в широком смысле слова. Это предполагает выход за пределы изложенного материала в более широкий социально-культурный контекст. В частности, необходимо знать подробности истории науки рассматриваемого периода, события общественной истории, профессиональные биографии значимых героев рассказа и многое другое. Документальность соотносится с «духом эпохи». Как это объясняет К. Мангейм, — документальная интерпретация, в отличие от двух других типов интерпретации, «имеет ту особенность, что в каждый период должна представляться заново, что каждая единичная интерпретация подвергается глубокому влиянию собственного местоположения в потоке истории, из которого интерпретатор черпает материал для реконструкции духа ушедшей эпохи» [22, с. 84]. По-видимому, это относится не только к

ушедшей, но и к неушедшей эпохе, то есть к «здесь» и «сейчас» исследуемой науки. Иными словами, такое понимание документальной интерпретации равно приложимо и к рассказу автобиографа о прошлом, и к его рассказу о настоящем.

Чтобы понять документальное, или доказательное, значение, надо интерпретировать объективное и выразительное значения автобиографического рассказа. «Вторичная интерпретация» изложенных фактов может выявить стоящие за ними скрытые смыслы. В результате станет вероятным целостное представление о социально-ментальной составляющей науки (общественные настроения, мнения, отношение к проблематике, методологии, организации науки), ее ценностях и нормах, «духе науки» в тот или иной ее период.

Деление на уровни значений условно, автобиографию надо постигать целостно. Полная интерпретация осуществляется при переходе от одного значения к другому — от объективного к выразительному и далее к документальному. При этом предыдущее значение сохраняется, но как бы «выносится за скобки», и при последующей, налагаемой на первую, интерпретации возникает новое значение. Оно полностью замещает предыдущее. Вернемся к модельному примеру К. Мангейма: «...жест, который произвел мой приятель, передает объективное значение “помощи”. Если тот же жест во всех его деталях рассматривать под углом зрения выразительного значения “сострадания”, то он передает полностью иное значение. То же самое происходит, когда поступок моего приятеля рассматривается исходя из его документального значения: характерологическая категория “лицемерия” незамедлительно наполняет его новым смыслом, не оставляя места ничему другому» [22, с. 92].

Рассмотренный социолого-биографический подход мы не считаем чисто интерпретативным, поскольку в его задачу входит как исследование смыслов, ментальных состояний, так и фактов, поведения людей, которые выражены в автобиографических описаниях. Сюда же включаются и описываемые явления макроуровня: институциональная организация науки, ее взаимодействие с другими институтами и системами общества. Очевидно, в этом подходе поиски причинности сочетаются с историческим описанием, герменевтикой (прежде всего, в вариантах, предложенных П. Рикером и Г.-Г. Гадамером), культурологическим и социологическим анализом.

Мотив такого соединения — хотя бы частичная десубъективизация биографического исследования, попытка внести в него элемент «строгости» и вместе с тем не допустить чрезмерной схематизации, противоречащей его духу и замыслу. Ставится задача исследовать «живую жизнь» российской науки, поэтому стремление отказаться от

ненужных формализаций соединяется с попытками избежать произвольных толкований. Вкусовщина, когда конечный результат зависит только от личных способностей и информированности, тем более не приемлема для исследования. Иными словами, мотивация нашего подхода заключается в соблюдении баланса между интерпретацией и теоретическим анализом. Клиффорд Гирц, подчеркивавший важность соединения теории и интерпретации, писал: «Самый распространенный грех интерпретативного подхода к чему-либо — к литературе, сновидениям, симптомам болезни, культуре — состоит в попытках противостоять концептуальным умозаключениям и таким образом удержаться от систематического изучения явления» [13, с. 129-130]. Хотя он же отмечал глубину и неустранимость конфликта между необходимостью понимать символический мир и необходимостью анализировать его. Тем более важной становится работа методолога, пытающегося примирить этот конфликт.

Несмотря на принятую точку зрения о преимущественно интерпретативном характере биографического исследования, мы не считаем правильным пренебрегать предварительным теоретизированием и формализацией (насколько это возможно) методологических средств, поскольку их непродуманность или отсутствие оборачивается бесцельными поисками, движением вслепую. От этого, на наш взгляд, не всегда уберегает даже принцип построения так называемой «заземленной теории» (grounded theory), вырастающей непосредственно из социологических данных путем поэтапного абстрагирования.

При использовании социолого-биографического подхода, претендующего на некую систематичность, не может быть претензии на полное познание объекта. В результатах биографических исследований, даже если они содержат элементы анализа и объяснения, обнаруживается принципиальная неполнота. Задача состоит в постепенном изучении объекта с помощью переинтерпретаций, «насыщения» описаний, дополнения аналитических средств и фактологического материала, который всегда находится в процессе изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альмодовар Ж.-П.* Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 98-104.
2. *Батыгин Г.С.* Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Ведомости / Тюменский гос. нефтегазовый университет; Научн.-иссл. институт прикладной этики. Вып. 20: Моральный выбор / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2002. С. 106-119.
3. *Батыгин Г.С., Градосельская Г.В.* Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 88-109.

4. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара, 14–17.11.96 / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой // Труды ЦНСИ. Вып. 5. СПб., 1997.
5. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Под ред. Е. Мещеркиной, В. Семенович. М.: Рос. акад. наук, Ин-т социологии, 1994.
6. Биографическое интервью: Учеб.-метод. пособие / Е.Н. Астафьева, О.Е. Кошелева, Е.Ю. Мещеркина, В.В. Нуркова; Под ред. В.Г. Безрогова; Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии; Ун-т рос. акад. образования. Вып. 12. М.: Изд-во УРАО, 2001.
7. *Бургос М.* История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 124.
8. *Бурдые П.* Биографическая иллюзия / Перевод и комментарий Е. Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75-84.
9. *Винокур Г.О.* Биография и культура. М., 1997.
10. *Гадамер Г.-Г.* О круге понимания // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
11. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
12. *Гарфинкель Г.* Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов / Пер. с англ. Ю.И. Турчаниновой, Э.Н. Гусинского // Социологическое обозрение. Т. 3. № 1. 2003. С. 3-19.
13. *Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Культурология XX век: Дайджест. М.: ИНИОН, 1997. № 1. С. 103-138.
14. *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1.
15. *Голофаст В.Б.* Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Материалы международного семинара, Санкт-Петербург, 14–17.11.96; Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997. С. 23–25.
16. *Докторов Б.З.* Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10-22 [online]. Date of access: 23.05.07. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_biography.html>
17. *Дубин Б.* Границы и ресурсы автобиографического письма // Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса. Вторые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2005. С. 19-28.
18. *Дубин Б.В.* Биография лубочного автора как проблема социологии литературы // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 120-125.
19. *Дубин Б.В.* Биография, репутация, анкета: О формах интеграции опыта в письменной культуре // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 98-119.
20. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Анализ биографического нарративного интервью в исследовании идентичности // Социальная идентичность:

- способы концептуализации и измерения. Краснодар: КГУ, 2004. С. 200-222.
21. Мазлумянова Н.Я. «Жизнь в науке»: концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов // Социальные науки в постсоветской России / Под. ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический Проект, 2005.
 22. Мангейм К. Очерки социологии знания. Теория познания – Мирозозрение - Историзм / Сост., перев. и предисл. Е.Я. Додина; Российская академия наук, ИНИОН. М.: ИНИОН, 1998. С. 64-65.
 23. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и автобиография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7 (219). С. 61–67.
 24. Мещеркина Е.Ю. Социологические аспекты изучения автобиографий и интервью // Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Б.М. Бим-Бада; Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. Вып. 11. М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 46-54.
 25. Рикёр П. Герменевтика и метод социальных наук [online]. Date of access 31.01.2007: <<http://www.philosophy.ru/library/ricoeur/social.html>>
 26. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
 27. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолук. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
 28. Семенова В.В. Биографии и общество: поиски социального в индивидуальном // Социологические чтения. Вып. 1. М., 1997. С. 146-159.
 29. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121-133.
 30. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений: Пер. с англ // Вопросы социологии. 1993. № 1-2. С. 129-138.
 31. Authors of their own lives: Intellectual autobiographies by twenty American sociologists / Ed. by B.M. Berger. Berkeley: University of California Press, 1990.
 32. Biography and society: The life history approach to the social sciences / Ed. by D. Bertaux. London: Sage, 1981.
 33. Heimer C.A. Cases and biographies: An essay on routinization and the nature of comparison // Annual Review of Sociology. Vol. 27. 2001. P. 47-76.